

93-5444/33 п.и.

8

57-60

НОВЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЕЧЕРНИЙ ВЫПУСКЪ

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

3 мѣс.	— 23 р.	— 1.
2 "	— 15 "	60 "
1 "	— 8 "	— "

ПЕРЕМѢНА АДРЕСА—1 РУБ.

Подписка принимается **ДОМЪ ПЛЕХАНОВА**.

ТЕЛЕФОНЫ:
РЕДАКЦІЯ — 151-23, 647-42, 678-99 и 417-60,
ГЛ. КОНТО — 151-26.
АДРЕСЪ редакціи—Сайманъ пер. 6.
 Гл. конторы—Лиговская, 111-113.
 Редакторъ принимаетъ для личныхъ объясне-
 ній ежедневно отъ 1 до 2 час. дня.
 Секретарь—отъ 10 до 1 час. дня.

Изданіе сотрудниковъ „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“

№ 5348
 ЛИСТОВ 103
 ЛИСТ № 57
 № хран. 2.2.12.1.

№ 78. Среда, 5 іюня (23 мая) 1918 г.

Рукописи не возвращаются Статьи безъ опредѣленія условий оплачиваются по усмотрѣнію редакціи

Цѣна отдѣл. № 35 На жел. дор. н. 40 коп.

СТЫДЪ И ПРЕСТУПЛЕНІЕ.

Статья 3 Н. ГИППУСЪ.

Мы встрѣтились съ нимъ тогда за два до войны, въ Санъ-Ремо и въ Ментонѣ. Одважды провели вмѣстѣ цѣлый день.

Онъ совоѣмъ не казался большимъ. И даже „старикомъ“ его не хотѣлось называть. Нашъ русскіе, „старикъ“—не такіе. Онъ былъ похожъ на пожилого француза, напоминалъ—не наружнымъ сходствомъ, конечно—Анатолія Франса; только гораздо моложе Анатолія Франса.

Вообще „европеизмъ“ его сказывался рѣшительно во всемъ. Мягкія манеры, изысканная терпимость, благородная сдержанность. Среди русскихъ эмигрантовъ, подъ любымъ небомъ все тѣхъ-же русскихъ людей, мгновенно видящихся въ остервенѣлые споры,—европеецъ Плехановъ производитъ странное и отрадное впечатлѣніе.

Въ то время шли разговоры о „единой социалистической партіи“. Мы вѣдали его среди эвъ-эровъ. Споръ велся, конечно, не специальный, очень широкій, — но все таки въ русскихъ приподнятыхъ тонахъ. Но Плеханову не изменяла его европейская серьезность, его культурная выдержка.

Да, это былъ единственный нашъ работникъ революціи, нашъ социалистъ—европеецъ. Единственный, которымъ мы могли бы гордиться, который не постыдилъ бы насъ передъ западными социалистами... Но что говорить о потерянномъ: слишкомъ постыдно то, что мы съ нимъ сдѣлали.

Плехановъ-европеецъ не переставалъ никогда быть русскимъ. При первой вѣсти о революціи онъ рванулся въ Россію. Онъ не видалъ ее сорокъ лѣтъ, но эти сорокъ лѣтъ жилъ и работалъ для нея, для ея революціи.

Бѣжать въ Россію—а встрѣтила его Азія. Полая, спрессованная, туная, полуприкрытая обрывками и лохмотьями „европейскихъ“ словъ. Любой европеецъ задохнулся бы въ этой азіатчинѣ. Но у русскаго европейца было крѣпкое сердце, и оно выдерживало, терпѣливо страдая, шона „социалистическое отечество“ не доушенило своего воеды. Это было въ октябрѣ, — мы все помнимъ, все въ извѣстномъ, какъ побѣдители, „краса и гордость русской революціи“, свлаживали его въ Царскомъ, уже больного съ постели, обыскивали его по 15 разъ въ одинъ день (буквально) грубо ругались и, въ черномъ своемъ, доходящемъ до святости, невѣстивъ недомыслия, когда на вопросъ: „да ты кто?“ Плехановъ отвѣчалъ: „социалистъ“...

Это было въ сентябрѣ, это ужъ было „физическое воздѣйствіе“, послѣ котораго больной старикъ не поднималъ головы съ подушки. А что было раньше, съ марта и апрѣля, когда съ Пле-

хановымъ разговаривали еще не „дѣти природы“, а „азиатскія макасы“—по будущіе воеды этихъ массъ?

Для него была выдуманна особенная, на ихъ взглядъ необыкновенно унижительная кличка: „социаль-шипріотъ“. Цѣлое лѣто работала „Новая Жизнь“, проповѣдуя самыя неслыханныя вещи, вплоть до „сепаратной войны“ (!?) борясь проповѣдъ тѣни всякаго „отечественнаго социализма“ и пошутно, ужъ совоѣмъ не по европейски, обливая Плеханова помоями. Слѣдуетъ замѣтить, что тѣмъ грубѣе, безнадежнѣе, безобразнѣе и антикультурнѣе группа пашихъ „социалистовъ“ и ближе къ Азії, — тѣмъ громче она кричитъ о „культуры“, о „Европѣ“, ну и объ „эстетикѣ“, конечно. Группа интернационалистовъ-соглашателей, шовинистическая съ Горькимъ во главѣ, — какъ на одна печется о „культуры“; некая съ 28го февраля. Уже 6 марта было зачатіе „комитета эстетики“ (Горькій Тихошовъ, Сухановъ, А. Бенуа и др.). Это былъ „комитетъ для украшенія революціи“. Въ промежуткахъ касались политическихъ темъ. Страстно ждали прѣлада Ленина, „что бы дотянуть до его прѣлада, а тогда мы свергнемъ нынѣшнее правительство“. *).

И ни одна группа не проявила такой некультурности, такой беззащитивой азіатчины въ борьбѣ... хотя бы съ тѣмъ-же европейцемъ-Плехановымъ. Это борьба — символична. За Плехановымъ стояли Европа; стояли: честь, непримиримость, настоящая наука, настоящая культура. Азію это должно приводить въ бѣшенство. Долой! И въ методахъ—безъ стѣпенія.

Но шобитъ русскій азіатъ мертвецовъ, даже тѣхъ, которыхъ самъ добилъ. А ко всякимъ похоронамъ у него почти болѣзненное пристрастіе. Хоронить—какъ правдничать. Уже конечно и всѣ Горькіе понесутъ интернациональскіе вѣнки на гробъ доушенатаго социаль-шипріота. Недаромъ „Новая Жизнь“ уже льетъ о Плехановѣ теплыя слезы—изъ того-же фала, откуда лила грязные помои.

А умеръ? Зачьмъ прѣзжалъ! Не его ждали. Если бы Карлъ Марксъ прѣзжалъ, его бы наша азіатчина еще скорѣе умучила. Только потому можно и вѣнки, и слезы и, пожалуй, шампанникъ. Поешь.

Все пройдетъ. Искупится нашъ стыдъ и преступленіе. Смоетъ, когда нибудь время и воля человѣческая эту грязь, эту кровь съ лица Россіи. Такъ будетъ! И пусть она, чистая, вошедшая въ семью заправды народовъ, вспомнитъ по настоящему Георгія Валентиновича Плеханова: русскаго человѣка, русскаго социалиста, — перлага русскаго европейца.

В Гиппюсѣ

* Цитирую по современной записи 17 г.